

Глава 7

Как Юй Жань не мог уловить того крошечного чувства вины в душе Чу Мянэ, так и Чу Мянэ не понимал причины гнева Юй Жэня.

С точки зрения Чу Мянэ, принять чью-то услугу означало впоследствии вернуть долг, и одного «спасибо» в тот момент было явно недостаточно. Особенно с не очень близкими одноклассниками было совершенно необходимо чётко обозначить границы — его самолюбие не позволяло пользоваться чужой добротой.

Но раз уж он знал, что Юй Жэнь из-за этого злится, Чу Мянэ решил, что не стоит его ещё больше провоцировать. Их взаимное игнорирование было лучшим выходом. Чу Мянэ молча убрал кошелёк и, не оглядываясь, ушёл.

После этого дня оба больше не делали шагов навстречу друг другу.

Глава 8. Примирение

— «Сехэ»? Ты имеешь в виду Пекинский медицинский колледж... Конечно, это отлично. Если сможешь поступить, твой дедушка, наверное, будет очень рад. Он, вспоминая свою молодость, всё время говорил, что очень хотел заниматься медициной. А после того как уволился со службы, от нечего делать дома читал книги по терапии...

Чу Хэн осторожно положила яичницу-глазунью на ломтик цельнозернового хлеба и подвинула тарелку Чу Мянэ. Они завтракали, обсуждая поступление в вуз и выбор специальности.

— Меме, слушай меня внимательно. Твой отец в следующем месяце вернётся в Жунган. Возможно, он сможет договориться, чтобы в вашу школу перевели нескольких учителей высшей категории. Не забудь сказать ему потом, выбираешь ты гуманитарный или естественно-научный профиль.

— Естественно-научный.

— Чу Мянэ насыпал в миску с молоком полную тарелку хлопьев.

— Я хочу поступать на клиническую медицину в «Сехэ».

— Клиническая медицина... восьмилетняя программа?

Цель племянника звучала амбициозно, и Чу Хэн была рада, что он в таком возрасте уже твёрдо определился с будущим направлением. Поэтому она спросила ещё:

— А какой проходной балл в Жунгане примерно?

Голос Чу Мяня был очень спокоен:

— В этом году минимальный балл — шестьсот девяносто семь.

Когда три цифры «697» сложились в голове Чу Хэн, она чуть не намазала варенье на палец. После многих лет после выпуска она уже потеряла чувствительность к баллам ЕГЭ, но всё же обладала минимальными знаниями:

— Это же почти как для поступления в Цинхуа или Пекинский университет, да?

Чу Мянь, опустив голову, ответил:

— Первые два с половиной года клинической медицины в «Сехэ» нужно учиться в Цинхуа, и только потом, пять с половиной лет, в главном корпусе. Уровень вступительных баллов на бакалавриат примерно средний среди специальностей Цинхуа.

Другими словами, чтобы поступить на клиническую медицину в Пекинский союзный медицинский колледж, нужно превысить проходной балл в Университет Цинхуа.

Чу Хэн поняла, что он уже готовится к цели поступления в вуз, и ей не нужно лишний раз беспокоиться. Но, помолчав, она всё же не удержалась и спросила:

— Тогда тебе, наверное, нужно быть как минимум в первой десятке города по естественным наукам, чтобы быть уверенным, да?

Её неуверенный тон заметил Чу Мянь. Подняв голову, юноша спросил в ответ:

— Ты думаешь, я не смогу?

— М? Конечно, сможешь.

— Чу Хэн не хотела подрывать его уверенность в себе и тут же улыбнулась.

— Талант — это не у каждого есть. К тому же в Жунгане давление на ЕГЭ меньше. Для тебя попасть в первую десятку города вообще просто...

— Это раньше.

— Чу Мянью с безучастным видом отвернулся.

— Очень давно.

За два с лишним года с момента начала приступов болезни сна Чу Мянью каждый день надеялся, что после пробуждения от кошмара его тело вернётся в норму, что так называемые «сонливость» и «катаплексия»

— всего лишь страшный сон, который можно забыть в любой момент. Но день за днём у него не только не было признаков улучшения, но и успеваемость резко упала. С первого места во всей школе в Ганвае до последних рядов в классе; из одарённого отличника он превратился в чужака в глазах окружающих.

— Чу Мянью, не хочешь слушать урок — иди домой. Школа — не место для твоего сна!

— Смотрите, Чу Мянью снова заснул, ха-ха-ха...

— Не думай, что раз у тебя голова умная, можно не делать домашнее задание. Ты один во всём классе не успеваешь за программой. Не пора ли поднажать?

— О, отличник, днём всё спишь, а ночью чем занимаешься?...

Врачей, знакомых с нарколепсией, в стране было крайне мало, а простых людей, понимающих эту болезнь, — и вовсе единицы. Ему приходилось терпеть шквал насмешек не только до постановки диагноза, но и после него прощение не приходило само собой. В процессе бесконечной борьбы с кошмаром Чу Мянью постепенно научился в одиночку встречать разочарованные взгляды окружающих.

— Не торопись, Меме. Врачи же говорят, что многие люди с возрастом сами выздоравливают, правда?

— Чу Хэн опустила ложку, и её голос вернулся в самое расслабленное состояние.

— Ладно, не думай об этом. Как тебе в Чэнцзюне? Привык?

— Всё хорошо. Но, кроме китайского, все остальные учителя объясняют очень медленно. Тратят время.

— А с одноклассниками отношения наладились?

— спросила Чу Хэн.

— Тот одноклассник, который дал тебе конфету в тот день, вы каждый день вместе играете?

— Не близки.

— Чу Мянью одним глотком допил молоко из миски, оставив на бледно-розовых губах белую молочную кайму. Он вытащил бумажную салфетку, вытер рот и, прежде чем тётя успела спросить о причине, сам добавил: — Мы с ним слишком разные. Не сойдёмся.

Он встал, бросил: «Я пошёл в школу», — подхватил рюкзак и вышел из дома.

Сегодня школа выдала первокурсникам новенькие спортивные куртки. Основной цвет — глубокий чёрный в сочетании с белым, на стыках рукавов и воротника — лимонно-жёлтые полосы в качестве украшения. Ткань была немного скользкой, на ощупь напоминала штормовку. Ученики, уставшие от «голубых смурфиков» в прошлой школе, остались довольны формой Чэнцзюня. Чу Мянью накинул куртку, чтобы проверить размер. В Ганвае он носил форменную рубашку, и теперь к такой свободной спортивной одежде привык не сразу — рукава немного мешали писать.

— Оказывается, эмблема нашей школы — не лошадь!

— удивился Юй Жанью, заметив новую деталь.

— А что это? Треугольник... Дядя Сюнь, смотри! Наша эмблема — это цзунцзы!

Фан Чжао, уставившись на куртку, возразил ему:

— Как это может быть цзунцзы! Это... это больше похоже на персик долголетия!

Они вдвоём горячо обсуждали эту мелочь, и их голоса ворвались в уши случайно задремавшего Чу Мянью, заставив его увидеть во сне, как он сам превращается в начинку и его запихивают в тесную массу рисовых зёрен, делая онигири.

Первая половина дня была для Чу Мянью самым лёгким временем для засыпания. Иногда он просыпал и обед. Зато к вечеру постепенно становился бодрее. На уроке истории, где дисциплина была нестрогой, Чу Мянью сосредоточенно повторял пропущенный материал с утренней математики.

Однако повторение шло не очень гладко, потому что Чу Мянью заметил, что учитель истории постоянно смотрит в его сторону. Хотя у него и была привилегия не слушать урок, Чу Мянью не хотел в бодрствующем состоянии игнорировать присутствие учителя — это выглядело бы слишком неуважительно по отношению к старшему.

А причиной того, что учитель истории постоянно обращал внимание на сторону у окна, был сидящий перед Чу Мянем Юй Жань.

Ещё на первом уроке истории Юй Жань успешно привлёк внимание учителя. Этот молодой преподаватель-мужчина, в очках, выглядел очень интеллигентно, говорил с приятным жунганским акцентом, а самой примечательной его особенностью были длинные руки. Сидящие на первой парте ученики, увидев их, не могли не воскликнуть:

— Учитель, у вас такие длинные руки! Вы, наверное, можете прямо дотянуться до пола?

— Конечно.

Учитель истории без труда, выпрямив ноги и нагнувшись, коснулся пальцами пола.

Юй Жань, глядя на это, тоже не удержался от восхищения:

— Ого! Значит, если ваш телефон упадёт в туалет, вы сможете его прямо выудить!

Как только он это сказал, телефон учителя как раз выскользнул из кармана брюк и упал на кафедру, прокатившись с «цок-цок» и разбив экран.

Юй Жань тут же зажал свой «вороной» рот.

С этого урока учитель истории запомнил имя Юй Жаня и часто задавал ему вопросы. Юй Жань тоже был не промах: если знал — отвечал, если не знал — придумывал на ходу, а иногда, заметив, что учитель запнулся или оговорился, поднимал класс на смех. Атмосфера на уроках истории всегда была оживлённой от начала до конца, и никто практически не отвлекался.

— С какими двумя группами противоречий была связана система централизованного авторитарного правления в древнем Китае? Юй Жань, вставай и отвечай.

— М-м... Государство и народ, промышленность и сельское хозяйство... Правильно?

— Юй Жань наблюдал за всё более удивлённым лицом учителя.

— М-м... Не знаю!

— Ты этого не знаешь? Разве я спрашиваю не то, что проходят в средней школе?

— Честно говоря, братан Сюань, я уже давно забыл программу средней школы.

— Искренне сказал Юй Жань.

— Но будьте спокойны, я ещё помню «Тан, Сун, Юань, Мин, Цин»...

— Ты... ты... быстро садись и кайся!

Каждый раз, когда Юй Жань доводил учителя истории до бешенства, класс смеялся. В этой дружелюбной атмосфере в классе только брови Чу Мянэ хмурились всё сильнее.

За весь свой опыт учёбы он крайне редко видел, чтобы кто-то, не поднимая руки, громко перебивал учителя, и уж тем более — чтобы кто-то спорил с учителем на темы, не связанные с учёбой. Одноклассники тоже строго соблюдали дисциплину на уроке, сосредоточенно слушая. А сейчас? Вроде бы экспериментальный класс, но многие вокруг вели себя расхлябанно: запросто разговаривали вслух, смеялись, шумели... Кто-то даже не мог потерпеть до перемены, чтобы сходить в туалет. И главное — молодой учитель на кафедре раз за разом им это позволял. Отношения между учителем и учениками были слишком фамильярными.

Чу Мянэ в душе был недоволен таким стилем ведения урока, но понимал принцип «приехал — терпи». Поэтому ему оставалось только игнорировать всех и, не выражая эмоций, опустив голову, заниматься самостоятельно.

— Ребята, на втором и третьем уроках после обеда — генеральная уборка. Я сейчас распределяю задания.

— После урока истории в класс вошёл классный руководитель с листком школьных распоряжений в руках и объявил: — Девочки из первой и второй групп подметают, мальчики моют полы; третья и четвёртая группы получают задания у старосты; пятая группа отвечает за переднюю и заднюю двери и окна; а мальчики из актива класса протирают четыре вентилятора.

Юй Жань, как физорг, хотел узнать у старосты, кто будет работать с ним в паре на этой уборке. Сян Сюэхуа сообщила ему, что мальчиков из актива всего двое: он сам и учебный сектор Чу Мянэ.

— О.

— Юй Жань скривил губы, взял у Сян Сюэхуа новую тряпку.

Чу Мянэ был равнодушен к списку актива. Ему было достаточно просто аккуратно выполнить свою работу. Взобравшись на парту и протерев два передних потолочных вентилятора, Чу Мянэ заметил, что Юй Жань всё ещё возится с первым. Причиной низкой эффективности, вероятно, был недостаток роста: стоя на парте, ему приходилось тянуться на цыпочках и выпрямлять руку. Протирал он несколько раз, потом начинал шататься и начинал заново.

Чу Мянью, не говоря ни слова, прополоскал тряпку, затем решительно забрался на парту и принялся протирать последний вентилятор в заднем ряду.

Он как раз смахивал пыль, как вдруг почувствовал, что парту под его ногами кто-то постучал. Опустив голову, он увидел Юй Жаня, который снизу, задрав голову, смотрел на него.

— Слезай. Этот вентилятор — моя зона ответственности.

— Тон Юй Жаня был жёстким.

Чу Мянью остался непоколебим и, глядя сверху вниз, сказал:

— Я могу и сам протереть.

— Староста распределила: ты трёшь первые два, я — последние два. А теперь ты один трёшь три. Это нормально?

— Юй Жань вытянул шею, явно недовольный.

— Не делай за меня работу. Я не хочу быть тебе должным.

Чу Мянью заметил, что эти слова звучат знакомо. Подумав несколько секунд, он вспомнил, что, кажется, сам говорил нечто подобное позавчера, и тут же понял: Юй Жань намеренно придирается.

Не ожидал он, что тот пустяк, произошедший два дня назад, всё ещё заставляет его дуться. Чу Мянью не знал, назвать ли его мелочным или капризным, и, понизив голос, сказал:

— Пока ты трёшь один, я успеваю протереть два. Ты бы лучше подумал о своей собственной причине.

— Всё равно не нужно, чтобы ты делал это за меня.

— Юй Жань не уступал.

— Раз ты закончил со своим рядом, иди отдохни в сторонку и не мешай мне.

Приказной тон собеседника заставил Чу Мянью раздражённо вздохнуть и сказать:

— Ты что, не видишь, что те, кто моет полы, уже полдня ждут у дверей? Если мы поскорее

протрём вентиляторы и уберём парты, они смогут зайти. Кто на самом деле мешает, Юй Жань?

Они стояли на разных уровнях — один сверху, другой внизу — и не уступали друг другу. В тот момент, когда их взгляды встретились в воздухе, оба почувствовали взаимную враждебность. Чу Мянью не хотел тратить на него время, презрительно скосил глаза на Юй Жаня и собрался повернуться, чтобы продолжить протирать лопасти вентилятора.

Взгляд Юй Жаня уже переместился на макушку Чу Мянью. Внезапно его лицо изменилось, и он громко крикнул:

— Не поднимай руку!

Чу Мянью инстинктивно замер. Опустив голову, он увидел, как Юй Жань широкими шагами направился к задней двери класса, схватил за руку короткостриженую девушку, которая как раз чистила стену, и одновременно быстро повернул выключатель вентилятора.

В ушах вдруг пронёсся ветерок. Чу Мянью поднял голову и увидел, что лопасти верхнего вентилятора медленно вращаются, а затем замирают.

— Ты что делаешь? Это очень опасно, ты не знаешь?

— Юй Жань не сдерживал голос, и его вопрос привлёк внимание окружающих.

Короткостриженная девушка не осмелилась поднять глаза, чтобы встретиться с ним взглядом, и поспешно извинилась:

— Простите! Я не знала, что этот выключатель такой слабый... Я просто хотела отодрать скотч сверху... Простите, простите...

Чу Мянью ловко спрыгнул со стола, мягко приземлился, подошёл и слегка коснулся локтем Юй Жаня, тихо сказав:

— Со мной всё в порядке.

Затем он посмотрел на ту девушку и мягко сказал:

— Ничего страшного. Продолжай.

Юй Жань вздохнул и наставительно сказал ей:

— В следующий раз будь осторожнее.

Спина девушки напряглась. Она подумала, что Юй Жань ей угрожает, и, испугавшись, поспешно закивала.

Раз уж он всё равно слез со стола, Чу Мянью было лень возвращаться, чтобы не провоцировать Юй Жаня снова. Он бросил тряпку в таз, вышел в туалет помыть руки и заодно спустился вниз купить ластик.

В магазинчике Чу Мянью увидел нескольких одноклассников. Один из них, который обычно постоянно тусовался с Юй Жанем, был ему знаком.

— Эй, какая встреча.

— Фан Чжао, увидев его, первым поздоровался.

— Чу Мянью, ты, наверное, проспал обед и не поел? Как ты сейчас?

— Нормально.

— Чу Мянью спокойно улыбнулся ему и, не глядя, взял с полки бутылку чистого молока.

— Давай мы будем будить тебя в обед. Когда голоден, легче засыпать.

— Фан Чжао решил это сам, не давая Чу Мянью возможности отказаться. Помолчав, он добавил как бы между прочим: — Юй Жань за обедом о тебе вспоминал. Хотел принести тебе что-нибудь поесть, но побоялся, что тебе не понравится, и отказался.

На полке звякнуло и упало несколько бутылок с молоком. Чу Мянью прочистил горло и быстро поставил их на место. Не оборачиваясь, он как ни в чём не бывало спросил Фан Чжао:

— Юй Жань щедрый?

Фан Чжао, не задумываясь, ответил:

— Конечно. Он всегда делится со мной своими снеками.

— Только с тобой?

— Ну, потому что сейчас он более-менее знаком только со мной... А что?

— Фан Чжао задумался, зачем Чу Мянью это спрашивает.

— А, ты тоже хочешь? Тогда в следующий раз я скажу ему, чтобы он сначала дал тебе.

— ...Нет.

— Чу Мянъ прикусил губу. Поколебавшись, он спросил Фан Чжао: — Он раньше подарил мне много конфет. Как думаешь, что мне ему купить в ответ?

— Что значит «что купить»? Это же не подарок.

— Убеждённым тоном сказал Фан Чжао.

— Юй Жань, наверное, не привередлив. Я вижу, он каждый день ест что-то разное. У него даже составлен план снеков на следующую неделю.

Чу Мянъ кивнул, а затем, по рекомендации продавца в магазинчике, выбрал ведёрко «Звёздного стаканчика».

— Ты можешь передать это ему?

— спросил Чу Мянъ.

Фан Чжао удивился:

— А что, если ты сам ему отдашь?

Действительно, ничего страшного. Но Чу Мянъ просто не хотел быть той стороной, которая первой пойдёт на примирение.

В конце концов, он сам ничего не сделал неправильно. Конечно, он не считал, что и Юй Жань в чём-то виноват. Просто у них разные принципы, и трения неизбежны. Поэтому лучше было просто перевернуть эту неловкую страницу и сделать так, чтобы впредь они не мешали друг другу. Он не хотел тратить своё драгоценное время на учёбу ради улаживания межличностных отношений.

Фан Чжао хоть и не понимал, почему Чу Мянъ ходит вокруг да около, но всё же согласился. Он взял то ведёрко «Звёздного стаканчика» и, воспользовавшись тем, что Юй Жаня не было на месте, положил ему на парту.

После генеральной уборки парты и стулья вернули на свои места. Увидев ведёрко с шоколадным печеньем, Юй Жань подумал, что кто-то его забыл, и, подняв его, начал спрашивать у всех, кто хозяин. Фан Чжао отвёл Юй Жаня в сторону и шепнул, что это дал Чу

Мянь.

Юй Жань посмотрел в сторону места Чу Мяня и увидел, что тот спит, уткнувшись лицом в парту.

— Только что ещё бодрствовал.

— Фан Чжао снова подивился скорости, с которой Чу Мянь засыпает.

Юй Жань ничего не сказал. Вернувшись на своё место, он поставил «Звёздный стаканчик» на пол, а затем, сильно наклонившись вбок, тихо «эйкнул» в сторону Чу Мяня.

Чу Мянь не шелохнулся. Лицо его было глубоко спрятано в сгибе локтя, и, похоже, он спал очень крепко.

Юй Жань открыл крышку «Звёздного стаканчика», достал несколько штук и положил их на угол парты Чу Мяня.

Пришло начальство, проверило результаты уборки, после чего ученики продолжили занятия. Чу Мянь всё ещё лежал на парте, наполовину высунув лицо из-под руки, и, беззвучно открыв глаза, смотрел на спину Юй Жаня.

<http://bllate.org/book/15486/2298949>